

**Немногим известно,
что Институт экологии
Волжского бассейна РАН
появился в Тольятти
благодаря тому,
что известный полярник,
дважды Герой
Социалистического Труда
Иван Дмитриевич Папанин
был знаком с не менее
занеменитым строителем
Иваном Васильевичем
Комзиным.
Как это было и о многом
другом рассказал
директор института
Геннадий Розенберг.**

КАК ЭТО БЫЛО

Геннадий Розенберг: **ЧЕЛОВЕК НЕ НАСТОЛЬКО ВЕЛИК, ЧТОБЫ РУКОВОДИТЬ ПРИРОДОЙ**

Биологическая шаржка

– Иван Дмитриевич Папанин возглавил Институт биологии водохранилищ в поселке Борок (Ярославская область, Рыбинское водохранилище) в конце 50-х годов, – рассказал Геннадий Самуилович. – Учреждение существует до сих пор и называется Институт биологии внутренних вод РАН.

В то время подобные институты среди ученых назывались биологическими шаржками, так как в них работали ссыльные биологи. Тогда существовали не только биологические шаржки, но и космические, авиационные и так далее. В них трудилась масса ученых, которых власть высыпала подальше от столицы.

Куйбышевское водохранилище образовалось в конце 50-х годов. У Папанина и его коллег возникла идея создать на нем биологическую станцию, которая вела бы наблюдения за процессами, происходящими в русле реки.

Построить биостанцию решили в Ульяновске. Папанин вместе с коллегами отплыл из Борока на корабле в экспедицию, чтобы изучить место. Надо сказать, Иван Дмитриевич был своеобразным человеком: великолепным организатором, доктором географических наук и... блестящим знатоком ненормативной лексики.

Ульяновск проплывали поздно ночью, поэтому капитан побоялся будить Папанина. Не хотел нарваться на разные «добрые слова». Ученые проснулись лишь в Самаре. Так как времена были коммунистические, явились в обком партии. Папанина приняли радушно и уговорили открыть биостанцию в Самаре. Он не возражал.

Выходя из обкома, Папанин встретил Ивана Васильевича Комзина. Товарищи очень обрадовались встрече, так как знакомы были еще со времен восстановления Севастополя. Комzin

предложил Папанину съездить в Ставрополь попариться в баньке. Тот согласился. Попарились, выпили, закусили, и Комзин уговорил Папанина построить биостанцию в Ставрополе. Сказал, мол, кирпичи есть, рабочие руки тоже. Показал свободную гору, где можно возвести объект. Папанин согласился.

Первым директором – организатором станции был Николай Андреевич Дзюбан, коллега Папанина по Бороку. В Ставрополь он приехал с небольшой командой. Первое время ученые жили в здании гидрометобсерватории в Комсомольском районе. Потом перебрались в Портпоселок.

Через некоторое время Дзюбан ушел работать в гидрометобсерваторию и организовал там гидробиологическую лабораторию. Это была первая в СССР лаборатория при метеослужбе.

Директором биостанции назначили Сергея Михайловича Лякова. Затем Виктора Ивановича Попченко, который до сих пор работает в институте.

Много позже вокруг станции по рекомендации специалистов главного Ботанического сада СССР разбили чудесный дендропарк. Биостанция была создана в 1958 году, так что в этом году мы отметим ее 50-летие и 25-летие Института экологии.

Институт

– То есть Институт экологии Волжского бассейна РАН был создан в 80-х годах?

– Да, потому что к тому времени биостанция разрослась. Плюс каждый регион стремился развить академическую науку. Идею создания института поддержал обком партии. В Тольятти приезжали вице-президент Академии наук Котельников, академики Соколов, Овчинников и ряд других ученых. Совет министров РСФСР принял решение о создании института 29 июля 1983 года. В сентябре

его поддержала Академия наук СССР.

Мы были третьим учреждением в Академии наук, в название которого присутствовало слово «экология». Нас опередили Свердловск и Москва.

Первым директором – организатором института стал доктор наук Станислав Максимович Коновалов, очень активный, деятельный человек. Его пригласили из Владивостока.

Большую поддержку ученым оказали местные власти: выделили квартиры, создали условия для работы. В Тольятти потянулись профессора из Санкт-Петербурга, Астрахани, Магадана, Уфы. Например, я приехал в ин-

ститут в 1987 году из Башкирии. Начали создаваться новые подразделения, расширяться задачи. Стали изучать не только Куйбышевское водохранилище, но и Саратовское, Волгоградское, Рыбинское, Нижнекамское. Также малые реки, наземные экосистемы Волжского бассейна. А это ни много ни мало 1360000 квадратных километров, или 8 процентов территории Европы.

Сегодня в институте работают 9 лабораторий, 13 докторов наук, один член-корреспондент Академии наук, 5 заслуженных деятелей науки РФ, один заслуженный эколог РФ.

– Любой ученый мечтает о Нобелевской премии. Насколь-

ко если эколог на любое предложение говорит, что это плохо, это не эколог, а «зеленый». Эколог должен во всем сомневаться и, прежде чем давать ответ, изучить вопрос, плюсы и минусы, последствия и преимущества.

ко к ней приблизился Институт экологии? За 25 лет деятельности открыты новые зоны?

– К сожалению, Нобелевская премия по экологии не вручается. Но учеными нашего института разработано и издано много трудов. Боюсь, не хватит газетных полос, чтобы все перечислить.

Институт участвовал в разработке закона Самарской области «Об охране природы».

В данный документ мы внесли обязанность составления и ведения не только Красной книги, но и Зеленой (о редких растительных сообществах) и Голубой (о редких гидробиоценозах). К слову сказать, на днях состоится презентация первого тома Красной книги Самарской области, который посвящен растениям. Вообще-то это грустное событие: в книгу занесены исчезающие виды.

Почти ежегодно специалисты нашего института получают премию губернатора за разработки и открытия в области науки и техники.

Что касается вопроса об открытии новых законов, то для этого необходима база: технические средства, определенные условия и исследовательский талант.

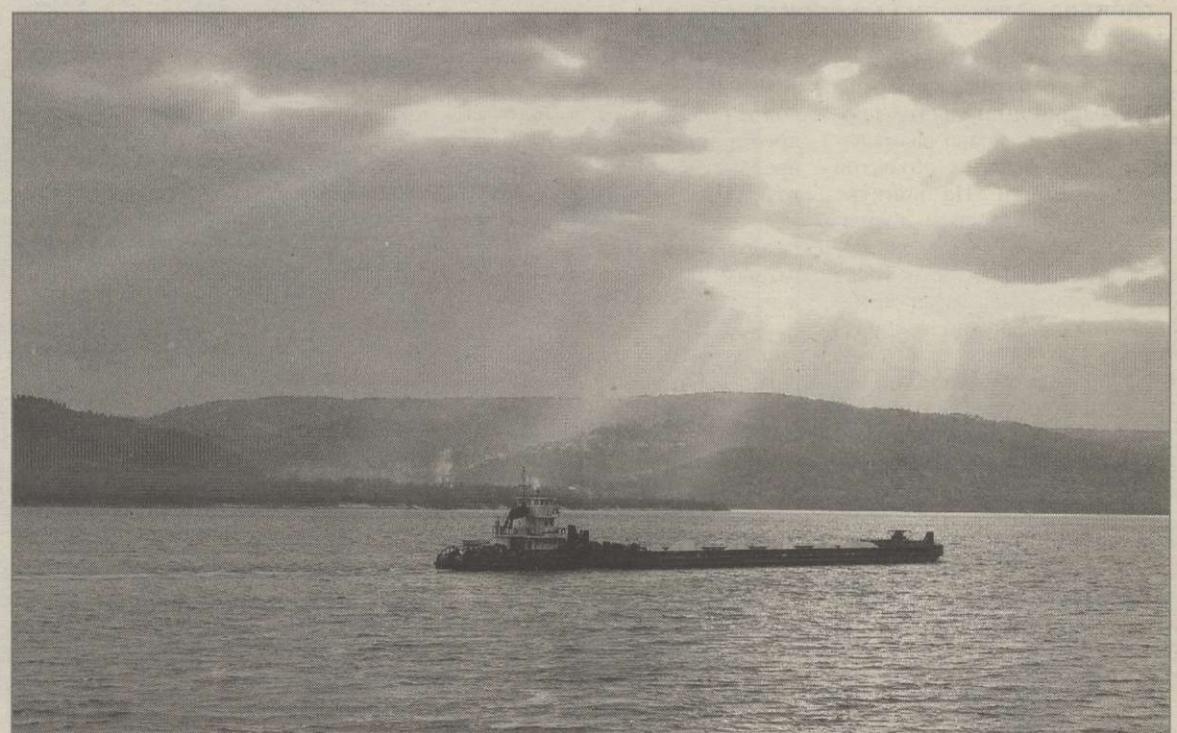
Наш институт государственный, так что мы далеко не самое богатое и процветающее учреждение. Чтобы вести практические исследования, необходим флот. Когда-то он был, но сегодня в нашем распоряжении всего один корабль. Хороший исследовательский корабль стоит миллионы долларов. Таких средств ни у Академии наук РФ, ни у региона нет.

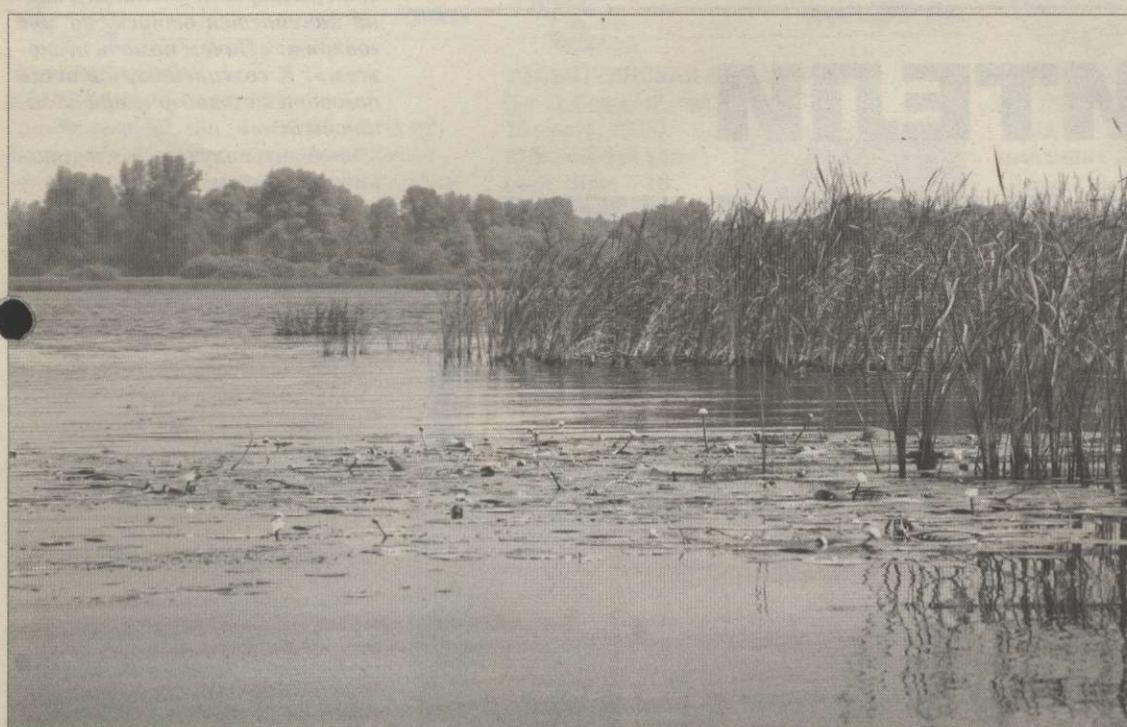
– Какой вес институт имеет в научных кругах области и страны?

– Пользуемся авторитетом: большой вес нам придает наличие докторского диссертационного совета. О нас знают за рубежом. Например, в прошлом году в институт приезжали британские коллеги, с которыми мы провели конференцию по проблемам глобального потепления и связанным с этим изменениям экосистем.

– Сейчас об этом много пишут и говорят. Проблема глобального потепления действительно существует?

– Это процесс не одного дня, а сотен, тысяч лет. Если взять интервал в тысячу лет, то сейчас идет процесс похолодания. Такова общая тенденция. Но у этого процесса есть свои колебания. Мир сейчас находится в колеба-

ния потепления. Это будет происходить около 100 – 200 лет. Потепление приведет к таянию снегов, поднятию уровня Мирового океана. Ученые мира тщательно следят за этими процессами, делают расчеты. Мы также работаем в этом направлении с конца 80-х годов и дали свои прогнозы до 2010, 2030, 2050, 2100 годов. Пришли к выводу, что в регионе идет процесс опустынивания. Возможно, к 2100 году к Тольятти подойдет пустыня и здесь станут выращивать хлопок. Таковы предположения. Потом процесс покатится в обратную сторону. Но это произойдет не за один день. Когда-то Самарская Лука была местом, куда дошел ледник. Потом он ушел, но на это понадобились миллионы лет. И это не аномалия, а естественные природные изменения. Человек, конечно, вредит природе. Но не настолько он велик, чтобы руководить ее процессами. Поэтому их необходимо изучать и им надо подчиняться.

Практика

– Институт представляет академическую науку. А какая практическая польза от исследований?

– Когда меня спрашивают, какая от института польза, отвечаю: мы занимаемся академической наукой, задача которой фундаментальные знания. Экология – такая же наука, как математика, физика, химия и т.д. Это взаимоотношение организма с окружающей средой. Ее законы необходимо изучать и предлагать для обсуждения. Другой вопрос, принимает их общество или нет. Все знают, что сорить нельзя, но сорят. Очень многие экологию воспринимают как политику. Раздаются призывы: «Давайте все почистим!», «Перестанем загрязнять». Но те, кто это кричит, не экологи, а «зеленые», это большая разница.

Безусловно, кроме академических исследований мы выполняем и прикладные работы. Заключаем договоры с предприятиями и частными лицами на исследование качества воды. Проводим оценку экологического ущерба. Например, недавно произошел разлив нефти недалеко от Сызрани с корабля «Виктория». Специалисты нашего института дали оценку этой ЧС.

Также была проделана большая работа, связанная с влиянием ГЭС на гидробионтов. То есть наш институт исследовал, сколько уничтожается рыбы из-за ра-

боты гидроэлектростанции. Эти исследования помогают сохранить рыбные запасы. Если, конечно, к ним прислушиваются прошленники и власть.

Некогда появилась минеральная вода «Ташлинская». Предприниматели на этикетке написали, что вода рекомендована для употребления Институтом экологии. Однако никаких анализов они нам не заказывали. Поэтому мы провели их сами и выяснили, что «Ташлинская» одна из самых грязных вод, потому что источник находится рядом со свинофермой. Об этом факте заявили в газетах, и после этого воду перестали выпускать.

Даем заключения строительной отрасли. Например, в Самаре возникла идея построить жилой микрорайон в пойме реки. У

и, прежде чем давать ответ, изучить вопрос, плюсы и минусы, последствия и преимущества. Пока по данному вопросу никто не обращался за рекомендацией.

– В Тольятти некоторые фирмы выступают с предложением намыть территорию в районе Портпоселка и построить там жилой микрорайон. Что думаете по этому поводу?

– В этих местах нет зимовых ям для рыб, так что биоресурсам будет нанесен небольшой ущерб. Однако прежде чем делать выводы, вновь подчеркну: вопрос следует изучить. Хотя в Уфе, например, построен огромный, современный, красивый микрорайон в намывном варианте. Городам необходимо развиваться, поэтому Тольятти съест либо лес, либо часть реки.

Когда меня спрашивают, какая от института польза, отвечаю: мы занимаемся академической наукой, задача которой фундаментальные знания. Экология – такая же наука, как математика, физика, химия и т.д. Это взаимоотношение организмов с окружающей средой. Ее законы необходимо изучать и предлагать для обсуждения. Другой вопрос, принимает их общество или нет. Все знают, что сорить нельзя, но сорят. Очень многие экологию воспринимают как политику. Раздаются призывы: «Давайте все почистим!», «Перестанем загрязнять». Но те, кто это кричит, не экологи, а «зеленые», это большая разница.

столицы губернии такая же проблема с нехваткой земли, как и в Тольятти. Но наши эксперты под руководством доктора наук Игоря Евланова дали отрицательное заключение данному предложению, потому что в том районе расположены нерестовые места.

Многое делаем и для нашего города. Давали рекомендации по строительству лесной дороги. Выступая на Градостроительном совете, я сказал, что городской лес – это богатство. Но пока он цел, не требуется вложения средств. Как только его разрежут пополам, он превратится в парк, который надо поддерживать в надлежащем состоянии. А это немалые денежные вливания. По подсчетам специалистов, на содержание такого огромного парка потребуется весь экологический фонд.

– Какова позиция института по поводу расширения дороги через лес?

– Если эколог на любое предложение говорит, что это плохо, это не эколог, а «зеленый». Эколог должен во всем сомневаться

– В прессе промелькнула информация, что в Рыбинском водохранилище обнаружены медузы. Это реально?

– Конечно. Существует очень интересный процесс: бионизация. Наш институт занимается им уже многие годы. Помимо производственного загрязнения существует и биологическое: проникновение в акваторию видов, которые здесь раньше не жили. Река связана каналами с несколькими морями. Недаром Москву называют портом пяти морей.

Несколько лет тому назад в Саратовском водохранилище мы обнаружили пингвина (морской воробей), которая попала к нам из северных морей! В Норвегии эта рыба является промысловой. Или каспийские бычки, которые не только хорошо прижились в Рыбинском водохранилище, но и попали в разряд промысловой рыбы.

Есть целый ряд видов зоопланктона и фитопланктона, который также попал в нашу реку из других мест.

Сегодня мы тщательно отслеживаем проникновение моллюсков дрейссены. Их существует два вида: наш, волжский, – полиморфа и с реки Буг – бугензис. С некоторых пор бугензис поселился в Волге. Скорее всего, моллюск эмигрировал к нам на днища кораблей. Бугензис оказался злобным и начал нашу родную полиморфу вытеснять. Есть сведения, что он добрался уже до Рыбинского водохранилища.

Свято место пusto не бывает: когда исчезает один вид, на его место приходит другой. Эти процессы не обязательно негативные, просто их необходимо тщательно изучать.

Например, гребневик (моллюск), который появился в Каспийском море. Он практически уничтожил кормовую базу осетровых рыб. Поэтому осетровые стали в дефиците. Конечно, свою лепту в их исчезновение внесли браконьеры и загрязнение. Но не будем исключать и бионизацию.

– Биостанции в этом году исполнится 50 лет, Институту экологии – 25. Есть ли разница между тем, как шло загрязнение Волжского бассейна в советские времена и сегодня?

– Безусловно, потому что существенно сократилось производство и многие предприятия не работают. Также в обществе произошло осознание, что нельзя варварски поступать с природой. Поэтому предприятия сегодня стали выделять много средств на модернизацию очистных сооружений. Другое дело, что трубы, по которым все стекают в Волгу, устарели.

Поэтому если увеличить ВВП в два раза, то засыпят из всех дыр. Об этом мы предупреждали уже лет десять...

– Как отметите юбилей?
Говорят, институт занимается не только академической и прикладной работой, но и образовательной.

– Проведем научную конференцию «Экологические проблемы бассейнов крупных рек». Пригласим коллег из других институтов, обменяемся информацией.

Действительно, наше учреждение очень много внимания уделяет образовательной функции. Работаем с детскими садами, школами, колледжами и вузами. Доводим до подрастающего поколения основы экологических знаний. Добились открытия в ТГУ специализации по инженерной экологии, а в Татищевском университете – экологического факультета. Там преподают профессора нашего института.

Есть у нас и аспирантура. Располагаем сильным докторским советом для защиты диссертаций. Недавно закончилась очередная сессия. В апреле отметим еще один небольшой юбилей – сотую работу, защищенную в стенах института.

Много трудов ученых института печатаются в издательстве «Наука» в Москве. Например, недавно вышла очень интересная книга «Бионика экологического состояния равнинных рек», которая посвящена реке Чапаевке. Ее изучали комплексные экспедиции, руководимые доктором наук Татьяной Зинченко. В книгу вошли и исследования коллег из Москвы, Оренбурга и даже Голландии.

Валерия Кержаева